

Жо Е здесь уже освоился, поэтому не боялся. Чу Лэ, видя, что Жо Е ничего, тоже перестал бояться. В конце концов, в прошлой жизни он дожил до совершеннолетия, хоть и умер рано, но он был не обычным ребенком.

Играя, Жо Е снова захотел поймать змею, но Чу Лэ быстро остановил его:

— Господи! У тебя дома даже нет банки, чтобы засолить змею!

Услышав это, Жо Е с сожалением отказался от идеи поймать змею.

Они носились по склону, разговаривая, и Чу Лэ, проживший две жизни, никогда не испытывал такого чувства свободы и радости.

Прожив у Жо Е около пяти дней, Чу Му лично приехал за маленьким Чу Лэ, чтобы забрать его домой. Причина? Ну, это... его старший сын позвонил и пригрозил ему, но он об этом ни за что не расскажет.

Хотя в последнее время старший брат был немного занят, он никогда не оставит своего младшего брата без внимания. Для старшего брата истина заключалась в том, чтобы всегда иметь рядом с младшим братом одного, двух, трех или даже четырех людей, которые будут регулярно докладывать о его состоянии.

Вернувшись домой, Чу Лэ почувствовал сильную скуку и попросил Чу Му нанять ему репетитора по скрипке.

Выхода не было: Жо Е пригрозил, что если он бросит скрипку, то Жо Е тоже перестанет учиться. Хотя Чу Лэ считал, что Жо Е учиться не нужно, он не мог допустить, чтобы из-за себя погубил такой талант.

Учитель, нанятый для Чу Лэ, звался Цинь Лидун, это был мужчина лет тридцати, излучающий ауру элиты. При ближайшем рассмотрении он был до боли похож на Лян Есяня из прошлой жизни — оба выглядели как приличные люди, но на самом деле были общественными отбросами!

Так как поведение Цинь Лидуна давило на Чу Лэ, он не испытывал к нему никакой симпатии. Хотя Цинь Лидун преподавал очень старательно, играл красиво и говорил мягко, Чу Лэ все время хмурился — он очень хотел сменить учителя.

Затем Чу Лэ нашел способ полностью игнорировать Цинь Лидуна: пока тот играл, Чу Лэ рисовал; когда тот объяснял ноты, он рисовал одежду; когда тот рассказывал о методах, он рисовал контуры... Вскоре Цинь Лидун начал сам останавливаться, когда видел, что Чу Лэ рисует.

— Лэлэ, ты так красиво рисуешь одежду, — сказал Цинь Лидун с восхищением.

Да, Цинь Лидун называл Чу Лэ «Лэлэ», хотя тот уже не раз выражал недовольство. Но Цинь Лидун настаивал на этом «ласковом» обращении, считая, что оно сближает его с учеником.

— Я сколько раз говорил, не называй меня Лэлэ, мы не близки.

— О... Понял, Лэлэ.

...

«Понял? Ты вообще ничего не понял!!!»

В этот момент Чу Лэ сильно скучал по своему старшему брату. По крайней мере, когда брат был рядом, он мог наслаждаться жизнью, которая была просто райской.

...

— Господин Чу, я не хочу вас обижать, но Лэлэ действительно не интересуется скрипкой. Заставлять его учиться — это пустая трата времени.

— Что?! Ты хочешь сказать, что мой сын не может учиться скрипке?! Ты же хвалился, что сможешь научить даже самого тупого ученика!

Цинь Лидун нервно подернул уголком рта. Когда он такое хвалился?!

— Нет, нет, я не говорю, что Чу Лэ не может научиться играть на скрипке. Просто ему, вероятно, больше нравится рисовать или заниматься дизайном.

— А... Когда он начал любить рисовать? Он никогда не любил рисовать!

— Кхм... Не хочу вас расстраивать, но вы, господин Чу, слишком мало знаете о Лэлэ...

...

Чу Му спросил своего младшего сына:

— Тебе нравится рисовать?

Чу Лэ покачал головой, потом кивнул.

Чу Му...

— Сынок, тебе нравится или нет?

— Тебе какое дело! Не лезь не в свои дела!

...

Кто воспитал такого невежливого ребенка? Это точно не я! Это его старший брат, который умный со всеми, кроме младшего брата!

Чу Му потер переносицу с безнадежным видом:

— Сынок, если я не буду о тебе заботиться, то кто же будет?

«...Ты так прав, что мне даже нечего ответить...»

Чу Му старался изо всех сил терпеть капризы, невежливость и барские замашки Чу Лэ, но его дурной характер и привычки были слишком многочисленны, и Чу Му чувствовал себя бессильным.

По настоянию Чу Лэ, Чу Му был вынужден уволить Цинь Лидуна, хотя считал, что этот молодой человек был очень вежлив и терпелив к дурному характеру Чу Лэ. Но его избалованный сын явно не любил Цинь Лидуна, так что Чу Му пришлось с ним расстаться.

При этом Чу Му выдал Цинь Лидуна очень щедрое выходное пособие. Он знал, что его сын — непростой человек, и те, кто мог выжить рядом с Чу Лэ, заслуживали компенсации за моральный ущерб.

Если бы он не компенсировал, Чу Му чувствовал бы себя слишком жестоким.

После увольнения Цинь Лидуна Чу Лэ пришлось начать самостоятельно учиться играть на скрипке.

Именно в этот момент Лян Цянькунь и Чу Му тайно обсудили одно дело, которое полностью вывело Чу Лэ из себя!

Чтобы развить у своих сыновей независимость и способность работать в команде, два старика решили, что Чу Лэ и Лян Есянь проведут вместе счастливую, радостную и благополучную неделю.

На самом деле, всё это было чушью. Реальная причина заключалась в том, что у двух стариков был совместный бизнес, который они должны были обсудить, и они не хотели оставлять своих детей без присмотра. Чтобы дети мирно сосуществовали и могли составить друг другу компанию, они решили отправить Чу Лэ в дом Лян Есяня.

Услышав эту новость, Чу Лэ был так шокирован, что рот его открылся от удивления. Он яростно выразил свое недовольство, начав кидаться вещами и ругаться...

Когда Чу Лэ проснулся, он обнаружил, что его уже доставили в дом Лян Есяня.

— Лэлэ, ты проснулся. Твой отец сказал, что ты не мог уснуть, поэтому дал тебе немного снотворного. Сейчас действие лекарства, наверное, уже прошло. Уже полдень, ты голоден? Сегодня на обед у нас стейк, — с улыбкой сказал Лян Есянь.

«Я просто хочу взять нож и заколоть своего "любящего" отца, аааа! Что это за чувство, что я хочу убить отца?!»

— Брат, Чу Лэ проснулся? — раздался приятный женский голос.

Чу Лэ оглянулся и увидел маленькую Лян Еюй, единственную сестру Лян Есяня.

Честно говоря, в прошлой жизни Лян Еюй относилась к Чу Лэ довольно хорошо, часто поддерживала его и немного защищала, когда Лян Есянь его обижала... Она была настоящим другом!

— Проснулся. Если ничего важного, я пойду, сегодня у меня встреча с друзьями, мы пойдем играть в мяч. — И Лян Еюй исчезла, как ветер, даже не попрощавшись с Чу Лэ.

«...Ничего страшного, в прошлой жизни мы тоже не были близки...»

— Еюй такая невежливая, даже не попрощалась с тобой, — как только Лян Еюй ушла, Лян Есянь начал говорить о своей сестре гадости.

Чу Лэ холодно посмотрел на Лян Есяня:

— Она может быть невежливой, но все же более вежлива, чем тот, кто начинает говорить гадости о других, как только они уходят.

Лян Есянь...

— Лэлэ, мне кажется, ты ко мне предвзят.

— Разве? — Чу Лэ развел руками.

— Да, абсолютно, и это очень глубокое предубеждение.

— Ошибаешься. Это не предубеждение.

«Это факт!» Вспоминая, как в прошлой жизни он ценой своей жизни понял, что Лян Есянь — отброс общества, Чу Лэ чувствовал, что тогда он был слишком глуп, просто жалок.

Несмотря на сильную неприязнь к Лян Есяню, Чу Лэ все равно должен был продолжать жить своей жизнью. Поэтому, почувствовав голод, он без колебаний пообедал в доме Лян Есяня.

В конце концов, он ничего не терял, и он знал Лян Есяня лучше, чем кто-либо. Этот человек был просто невыносим, особенно когда дело касалось еды.

<http://bllate.org/book/16873/1555122>